Когда дверь палаты была открыта, Лили впала в панику, когда Лавин держал ее на руках. Увидев Чжан Лишэна, она бросилась к нему и обняла его. Она хорошенько посмотрела на сына и нервно сказала: "Малышка, малышка, с тобой все в порядке...".

"Я в порядке, мам. Мишель - та, о ком тебе стоит беспокоиться, как она сейчас?"

"Доктор сказал, что её вовремя отправили в больницу. Ее сломанные... сломанные конечности починены... починены сейчас..." Лили не могла сдержать боль внутри, пока она говорила и начала рыдать.

"Дядя Лавин, что именно случилось с Мишель?" Чжан Лишэн легко обнял свою мать и утешил ее. Затем он повернул голову, чтобы спросить Сулло.

"У Мишель все хорошо, но ей придется пару месяцев быть прикованной к постели". Ей также понадобится, по крайней мере, полгода тренировок по выздоровлению, чтобы... восстановиться, если она не сильно пострадала психически". Это считается лучшим сценарием, который мог с ней случиться. Теперь, когда мы говорим об этом, мы должны поблагодарить вас, Лишэн", - посмотрела Сулло на Чжана Лишэна, отвечая красноватыми глазами. Он шагнул на несколько шагов вперед и крепко обнял Чжана Лишэна: "Спасибо тебе, малыш, ты храбрый джентльмен. Знаешь ли ты, сколько мужества нужно, чтобы спасти Мишель в такой... такой ужасной ситуации? Я горжусь тобой."

"Это меньшее, что я мог сделать, дядя Лавин. Приятно слышать, что Мишель может выздороветь, не будучи инвалидом. Мы могли бы медленно лечить ее сломленную душу", - с облегчением сказал Чжан Лишэн.

Сулло, отпусти его и кивнул головой. Сочинив свои эмоции, он вдруг привычно сказал: "Лишэн, ты знаешь, что ты единственный свидетель, который спас жертву от перелома доктора". Ваши показания очень важны для нас, офицеров, чтобы поймать дьявола..."

"Дядя Лавин, я сказал им, что могу полностью записать свои показания, так как я психически стабилен, но офицеры настояли, чтобы я приехал в больницу для наблюдения. Они также сказали, что вы или мама должны присутствовать, когда я записываю свои показания".

"Лишэн, это надлежащая процедура по закону. Иначе любые обвинения в вашем заявлении будут ошибочными и не могут быть использованы в суде".

"Дядя Лавин, я действительно ничего не видел. Я не могу никого обвинять в своих показаниях, - беспомощно сказал Чжан Лишэн.

"Лишэн, мы определим, полезны ли твои показания. Просто примите запись заявления. Мы с моими коллегами по криминалу возьмем ваше заявление завтра после вашего отдыха. Вы действительно должны отдохнуть сейчас, вы, должно быть, устали, так как столько всего случилось сегодня вечером."

"Хорошо, дядя Лавин. Значит, я не пойду завтра в школу?"

"Ты не обязана, по крайней мере, на этой неделе, твоя мама подаст заявление об отпуске для тебя. Лили, Лешенг в порядке. Мы просто прерываем его отдых, если мы будем продолжать оставаться здесь..."

"Нет, Сулло. Я хочу быть здесь сегодня вечером для него и Мишель. Мы нужны им, - сильно покачала Лили головой и сказала.

"Хорошо, тогда я пойду домой, чтобы быть с другими детьми". Они, наверное, очень волнуются".

"Не уходи пока, дядя Лавин. Мам, мне правда не нужно, чтобы кто-то был со мной. Послушай дядю Лавина..."

"Забудь об этом, Лишенг". Ты еще молод, ты не поймешь, что чувствует твоя мама. Поскольку она настаивает на том, чтобы остаться в больнице, пусть остается", - вышел Сулло из палаты, как только закончил говорить. Точно так же Лили осталась в больнице и сопровождала Чжана Лишэна до восхода солнца.

На следующее утро Чжан Лишэн, которому последние десять дней удавалось спать спокойно и крепко, понял, что Лили заснула у его кровати. Он осторожно встал с кровати и умылся в ванной комнате. Затем он открыл комнату. Офицер, заснувший на стуле, проснулся от того, что услышал, как открывается дверь.

Перед тем, как офицер заговорил, Чжан Лишэн, улыбаясь, сказал: "Не волнуйтесь, офицер. Я просто пойду позавтракаю".

"Ты голоден, парень?"

"Нет, моя мама присматривала за мной всю ночь. Она заснула, я подумал о том, чтобы принести ей завтрак, чтобы она могла его съесть, когда проснётся..." Чжан Лишэн видел, как Сулло и двое его коллег шли к нему с сумкой для фаст-фуда, пока он говорил: "Но сейчас, похоже, в этом нет необходимости".

"Несмотря на то, что твоя мама не будет есть завтрак, который ты получал, она была бы благодарна тебе за то, что ты делаешь для нее, малыш", - казалось, охранник был тронут сладкой мыслью Чжана Лишэна и комплиментировал его, улыбаясь. В этот момент Сулло прибыла в отделение и передала Чжану Лишэну пакет с фастфудом.

"Доброе утро, Лишэн. Говяжий бургер, твой любимый, я прав?"

"Спасибо, дядя Лавин," Хотя на самом деле он ненавидел говяжий бургер, Чжан Лишэн с

радостью взял сумку и вернулся в отделение.

Естественно, Лили проснулась в шоке, так как в палате было много людей. Она знала всех коллег Сулло, поэтому поприветствовала их, когда встала в сонной манере: "Майк, Бостон, вы, ребята, здесь".

Коллега Сулло, коротышка-азиатка, которая была способна извиниться, когда выглядела извинительной: "Лили, мы должны были быть здесь прошлой ночью, но мы должны были разобраться с ситуацией. Ты знаешь..."

"Все в порядке, Майк, у нас все хорошо. Самый страшный инцидент прошел. Мы... мы... О, я ходил в отделение интенсивной терапии шесть-семь раз прошлой ночью, но они... они не дают мне увидеться с Мишель... О, Боже, что мы сделали не так? Почему нас так наказывают!"

Услышав это, Бостон, другой мускулистый черный детектив в отделении сказал с сочувствием: "Не волнуйся, Лили, мы точно поймаем имбецила, который обидел Мишель. Взбодрись. Эй, Сулло, иди поговори с Лили. Ты же знаешь, что такой кусок, как я, не выдержит. Мое сердце разрывается, глядя на Лили и думая о твоей очаровательной Мишель".

"Взбодрись, дорогая. Мишель и Лизенг в порядке, что еще мы можем попросить..." Взбудораженные эмоции Лили постепенно успокоились после утешения Сулло. Увидев, что ее эмоции теперь стабильны, он сказал: "Дорогая, тебе нужно идти домой, чтобы отдохнуть. Если тебе удастся переутомить свое тело, думаешь, я смогу присмотреть за детьми в одиночку?".

Чжан Лишэн, который стоял в стороне, воспользовался случаем и сказал: "Точно, мам. Теперь я в полном порядке. Тебе нужно идти домой, чтобы отдохнуть".

"Нет, я должна сопровождать тебя, пока ты даешь показания", - сказала Лили, лаская лицо Чжана Лишэна.

"Но я здесь, это Бостон и Майк, которые берут показания..."

"Сулло, как мать, я должна присутствовать, когда моего несовершеннолетнего ребенка допрашивает полиция". Это никак не связано с чем-либо еще", - твердо сказала Лили.

"Хорошо, раз уж ты этого хочешь, можешь остаться". Но вы должны пообещать мне, что вы позволите мне привести вас домой, чтобы вы отдохнули после того, как Лишенг закончит давать показания".

Лили кивнула, улыбаясь, в то время как Сулло сказал своим двум коллегам: "Бостон, Майк, думаю, вы, ребята, можете начинать".

"Хорошо," Майк перевернул стул и сел перед Чжаном Лишенгом. Его лицо стало серьезным,

когда он говорил: "Лишэн, я сейчас задам тебе пару вопросов, и мне нужно, чтобы ты ответил мне честно". Надеюсь, вы понимаете, что это что-то серьезное. Вы должны внимательно слушать и вспоминать".

Чжан Лишэн, который был душевно подготовлен, кивнул со всей серьезностью: "Я понимаю, офицер Майк". Он вежливо и вежливо обращался ко всем коллегам Сулло по имени, сохраняя при этом дистанцию.

"Почему вы не пошли домой на главную улицу после того, как закончили работу в мясной лавке Дэна Соуза? Почему ты превратился в переулок у пандуса?"

"Девушка доставала меня. Однажды я спас ее, когда жил в Китае. Она увидела меня вчера в Лоубидже и хотела поблагодарить, но я отверг ее."

"Ты можешь быть точнее? Как зовут девушку и почему..." Майк задавал один вопрос за другим, Лили, которая сидела в стороне, хмурилась и внезапно закричала: "Остановись, останови Майка". Ты допрашиваешь моего сына!"

"Конечно нет, Лили. Я просто беру показания", - тайно проклял Майк и сказал, притворяясь невиновным.

"Вот и все. Думаешь, дочь опытного судьи Государственного апелляционного суда понятия не имеет о разнице между дачей показаний и допросом? Вы должны спросить Лишенга, что он видел, если вы брали его показания. Вы не должны спрашивать его, что он делал, и просить его доказать это, - безумно сказала Лили, - Послушайте меня. Я согласилась позволить своему несовершеннолетнему ребенку вспомнить ужасный опыт прошлой ночи ради Мишель и безопасности десятков миллионов семей в Нью-Йорке. Однако, вы переступаете через мою доброту как гражданина и допрашиваете моего ребенка, как подозреваемого. С этого момента я буду ответственной матерью и не позволю офицерам задавать вопросы моему ребенку. Я заставлю своего адвоката ходатайствовать перед судьей о запрете, если это необходимо".

Атмосфера в палате упала ниже точки замерзания. Майк на минуту замолчал и после того, как принял решение, честно сказал: "Лили, я признаю, что то, что я сказал, было немного неуместно. Но если твой ребенок ведет себя так, как ты сказала, то он покажет, как он был в ужасе от того, что стал свидетелем того, что случилось прошлой ночью, я определенно не стал бы его так допрашивать. Правда в том, что более 10 милиционеров видели, как этот ребенок спокойно, тихо и непринужденно представился, как будто он присутствовал на чаепитии, когда преступление произошло до сих пор. Глядя на наблюдение в камере, он пересматривал домашнее задание, прежде чем увидеть вас прошлой ночью. Думаешь, это нормально?"

То, что сказал Майк, делало Лили выглядящей все более и более ужасной. Она решительно сказала: "Может быть... может быть, это потому, что... потому что он слишком напуган... стресс заставил его выглядеть чрезвычайно нормальным..."

Майк вздохнул и сказал: "Лили, мне нечего сказать, если ты так думаешь". Послушай, я не

говорю, что Лешенг - подозреваемый. Я просто подумала, что у него может быть что-то, что он не хочет нам говорить. Я надеюсь, что..."

http://tl.rulate.ru/book/21779/844594